

Нин Янь в бытность свою владельцем гей-бара в столице не раз наблюдал, как его подопечные мальчишки заводили романы. Нарваться на мерзавца было делом обычным, и Нин Яню приходилось ловить их с поличным едва ли не каждый день.

Кто бы мог подумать, что теперь он сам окажется в роли пойманного.

Воистину, жизнь переменчива.

Однако больше всего Нин Яня поразило то, что Юй Чэнбай, выступивший в роли обманутого мужа, вел себя куда тише, чем он сам или Чэн Чжэцзэ.

Он не бросился на Чэн Чжэцзэ с кулаками и не стал устраивать сцен.

Вокруг стояла такая тишина, будто все присутствующие разом проглотили глушители.

Трое сидели в комнате уже минут двадцать.

— Как давно это началось? — наконец нарушил молчание Юй Чэнбай.

В его голосе не слышалось гнева, только глубокая, бесконечная усталость и отчаяние.

Нин Янь, как эксперт по сердечным делам с многолетним стажем, не раз помогал друзьям выбираться из любовных передраг. Сейчас он остро почувствовал, что здесь что-то не так.

Реакция Юй Чэнбая была неправильной.

Слишком спокойно, слишком миролюбиво. Когда у Нин Яня среди ночи собака съедала заказанную еду, он реагировал куда эмоциональнее.

Это совсем не было похоже на поведение человека, узнавшего об измене супруга.

Чэн Чжэцзэ нахмурился и произнес низким голосом:

— Господин Юй, у меня нет никаких чувств к вашей супруге, и я вовсе не собирался вас оскорблять.

Юй Чэнбай промолчал, не выказав ни малейшей реакции.

Он прикрыл лоб рукой, опустил взгляд, и эта тишина казалась почти пугающей. Походило на затишье перед тем, как человек от горя окончательно потеряет рассудок.

А вот А-Я отреагировала куда более предсказуемо. Она язвительно усмехнулась:

— Господин Чэн, вы так интересно выражаетесь. Разве это не оскорбление? Ну конечно, конечно, это наш господин вас оскорбил, это он пришел не вовремя.

Чэн Чжэцзэ всегда вел себя безупречно, и, вероятно, впервые в жизни слышал в свой адрес подобные слова. Его лицо потемнело, он несколько раз менялся в лице, но промолчал.

— Что же вы замолчали, господин Чэн? Только что ведь так складно говорили?

А-Я была остра на язык и вспыльчива, к тому же отличалась двойными стандартами: своих она защищала яростно, о Нин Яне даже не упоминая.

Одарив Чэн Чжэцзэ парой презрительных взглядов, она перешла от сарказма к прямому нападению:

— Нашего господина не было дома, а наша госпожа такая кроткая и застенчивая, что даже глаз поднять не смеет. Вы сами-то понимаете, какими уловками вы ее заманили!

Кроткая и застенчивая Нин Янь в это время разглядывал висевший на стене итальянский нож АСК, нахмурившись и размышляя, как бы стащить его обратно незаметно. Увы, оружия у него почти не осталось.

— Раньше я слышала, что господин Чэн человек честный и благородный, редкий талант в городе С. Сегодня я, признаться, открыла для себя много нового!

Вообще-то он и правда довольно благородный. По крайней мере, благороднее меня, ведь он не разгуливает повсюду в женском платье, обманывая людей.

— Оказывается, бесстыдством можно заниматься только исподтишка!

Вообще-то это я всем занимаюсь исподтишка.

Нин Янь трижды вздохнул про себя, прежде чем повернуться к Чэн Чжэцзэ. Тот был мрачнее тучи.

Тц, даже жалко его стало.

— Наш господин добр душой, но это не значит, что он будет бесконечно терпеть господина Чэ...

— А-Я.

Юй Чэнбай, долго молчавший, вдруг подал голос, прервав ее на полуслове.

В комнате снова воцарилась тишина.

А-Я в недоумении посмотрела на него и запальчиво выпалила:

— Господин! Госпожа вовсе не из тех, кто любит бегать за каждым встречным! Это наверняка этот проклятый дикарь запугал его! Это он сорвал с госпожи одежду!

Проклятый дикарь Чэн Чжэцзэ:

— ...

Нин Янь проникся к Чэн Чжэцзэ еще большей жалостью.

Юй Чэнбай поднял голову. Его взгляд скользнул по Чэн Чжэцзэ и остановился на Нин Яне.

В нем не было ни гнева, ни стыда обманутого мужа, ни проклятий в адрес предавшего его возлюбленного.

После получасового молчания даже первоначальное замешательство исчезло.

Юй Чэнбай смотрел на Нин Яня спокойно, мирно и даже нежно.

— Как давно вы вместе? — спросил он.

Нин Янь встретился с ним взглядом и в ту же секунду всё понял.

Юй Чэнбай решил уступить его Чэн Чжэцзэ.

Это вполне соответствовало тому, что Нин Янь знал о нем все эти годы. Юй Чэнбай был редкостным добряком.

Щедрым, великодушным.

Сговорчивым и безотказным.

— Недолго, около месяца, — ответил Нин Янь, немного подумав.

Чэн Чжэцзэ тут же бросил на него ледяной взгляд.

— Да, действительно недолго.

Юй Чэнбай сохранял невозмутимость. Он даже слегка улыбнулся, опустил ресницы и, словно ведя светскую беседу, негромко произнес:

— В университетские годы я ездил волонтером в несколько стран.

Нин Янь знал об этом.

Тогда он отправился в богом забытую дыру, попал в плен, и именно Нин Яню пришлось его спасать.

— Там довольно отсталые места, и из-за сильного гендерного дисбаланса до сих пор сохранились некоторые обычаи, от которых давно пора отказаться.

Об этом Нин Янь тоже знал.

Многоженство. Юй Чэнбаю приглянулось немало местных девушек, которые наперебой боролись за право стать его третьей, четвертой, пятой или шестой женой.

Их Нин Янь тоже вытащил.

— Сейчас я вдруг подумал, что, может, это вовсе не такие уж плохие обычаи.

Нин Янь остолбенел.

А-Я тоже замерла.

Чэн Чжэцзэ повернулся к Юй Чэнбаю.

Юй Чэнбай, сохраняя спокойный тон, поднял на него взгляд, улыбнулся и с широтой души добавил:

— Я вовсе не против многомужества.

Нин Янь:

— ...

Нет, это уже перебор с щедростью.

<http://bllate.org/book/22316/2336743>